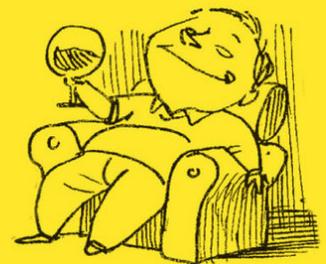
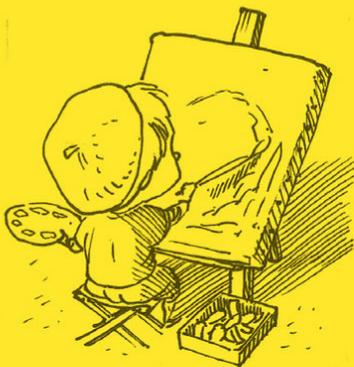

Дмитрий Корнилов

Любовь ушами

Анатомия и физиология
освоения языков

Дмитрий Корнилов

**Любовь ушами. Анатомия и
физиология освоения языков**

«Издательство Ресурс»

2020

УДК 371.311.1
ББК 74.268.19

Корнилов Д. Б.

Любовь ушами. Анатомия и физиология освоения языков /
Д. Б. Корнилов — «Издательство Ресурс», 2020

ISBN 978-5-6042435-1-0

Иностранный язык с большим или меньшим успехом учили все: в школе, институте, на специальных языковых курсах. Кому-то посчастливилось освоить его в совершенстве, а кто-то за многие годы не смог преодолеть планку «читаю и перевожу со словарем». Почему так происходит? Оказывается, недостаточно просто вы зубрить слова и правила, научиться произносить звуки и усвоить грамматические категории. Главное условие успеха – желание не только узнать, но и полюбить язык всей душой. В легкой, доступной форме автор делится своим опытом и излагает основные принципы, которые могут помочь каждому человеку пройти собственный путь в изучении иностранного языка. Книга адресована как родителям, преподавателям, студентам, так и широкому кругу читателей, каждому, кто хочет преодолеть «языковой барьер». А существует ли он вообще?..

УДК 371.311.1

ББК 74.268.19

ISBN 978-5-6042435-1-0

© Корнилов Д. Б., 2020

© Издательство Ресурс, 2020

Содержание

Словцами жемчуга...	6
Введение	8
Неметодические не-указания	10
Почему роман	11
I love you	12
Предыстория	13
Первый урок	15
Расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие: кстати, о велосипедах	19
Ловите ритм!	21
Предложение, составлять	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дмитрий Корнилов

Любовь ушами

© ООО «Издательство Ресурс», 2020, оформление

© Корнилов Д. Б., 2020

Любовь как способ понимания и является той нитью Ариадны, которая может провести нас через любой методологический лабиринт... Если мы изучаем язык или поэзию, потому что любим их, то любовь эта сама задаёт методы нашей познавательной деятельности. Как во всякой любви, мы хотим всё знать о любимом, мы наблюдаем его привычки, склонности, свойства характера, разыскиваем свидетельства о нём, пытаемся его понять. Но главное, как писал ещё Платон в «Пире», – это желание родить с тем, кого любишь.

М. Эшштейн

Так уж устроен язык. Это корень, из которого растёт бесконечная человеческая глупость... Нельзя открыть рот и не ошибиться. Так что не стоит придирааться к словам.

В. Пелевин

Словцами жемчуга...

Человек – это стремление, а не обладание. Человек – это поток, а не конструкция. Человек – это тайна, а не знание наперед. Человек – это путь, а вовсе не нечто предзаданное и априори понятное. Но и не проложенный кем-то и заранее известный образовательный маршрут. Человек – это усилие быть выше самого себя. Это усилие риска и усилие открытия. И вместе с тем – способность наизутонченнейшего наслаждения.

А что более рискованно, непостижимо и насладительно, чем язык? Если что-то и говорит про человека хоть что-то, то это, конечно, его язык. И все, что сказано про человека, может быть сказано и про язык. Язык – это не инструмент для достижения целей. Не средство коммуникации. Язык это музыка, стремление, поток, любовь и всегда неразгаданная тайна.

Об этом и пишет Дмитрий Корнилов в своей книге, которую кто-то может воспринять как самоучитель по самообразованию. Хотя и в этом будет часть правды. И нестандартным пособием по освоению иностранных языков кому-то она тоже наверняка предстанет (и это тоже правда). И все же не в этом, не в этом будет главное.

Дмитрий Корнилов написал потрясающую книгу про любовь.

Про то, как странно зарождается и рождается в человеке любовь, и про то, как не менее странно она живет в человеке. И про то, что язык – это и есть любовь. А человек есть язык. И язык, если он настоящий, а не фальшивая имитация языка, всегда есть человек = любовь. И потому эта книга про суть человека и человеческого. Про способность человека быть человеком, то есть собой, а не функцией от кем-то поставленных целей и задач.

Книга Дмитрия Корнилова – это книга, жанр и содержание которой невозможно сколько-нибудь однозначно определить.

Во-первых, это книга памяти. Книга, в которой собрано множество блестящих осколков, из которых выкладывается прихотливая мозаика памяти о том, «из какого сора» рождается человеческое «Я», рождается человек своим подлинным, «вторым рождением»

Во-вторых, это книга бытия, книга бытийности, книга подлинности. Книга о том, что такое настоящее, и как оно прорастает и может прорасти в человеке на протяжении всей его жизни. Эта книга о том, чем настоящее отличается от фальшивого, и как научиться жить настоящей, а не фальшивой жизнью.

Ну и, безусловно, это книга любви. Книга о том, что значит любить, и можно ли научиться любить. Например, язык в себе. И себя в языке. Так, чтобы нам с языком (хоть с родным, хоть с иностранным) было всегда и по-настоящему интересно.

Бессмысленно и бесперспективно пытаться овладеть языком. Но высочайшее наслаждение – отдаться во власть языка, нырнуть в стихию языка.

Вот почему эта книга не про обучение языкам, а про высокое искусство наслаждения языками. Когда мы не «учим язык», становясь рабами собственной учебы и тихо ненавидя – и учебу, и сам язык. А когда становимся прекрасными авантюристами и корсарамы языка. Ну, или венецианскими купцами, отправляющимися в сказочную Индию и совершающими по ходу своего похода бездну открытий – и мира, и себя...

Ну, или ловцами жемчуга...

С ловцами жемчуга особая история.

Когда мы не скользим по поверхности языка, а ныряем всё глубже и глубже, и уже не в жемчуге дело, а в той немыслимой красоте, которую открывает нам подводное царство...

Ровно тогда, когда мы ныряем за жемчугом, мы – люди.

И потому эта книга о языках любви. Потому что язык – он в принципе про любовь.

Как наивны те, кто считает язык «сигнальной системой» или инструментом обмена информацией! Язык есть там и тогда, где и когда есть любовь. А все остальное – иллюзия языка.

Вот, к примеру, у совсем маленького ребенка, есть любовь. И оттого он осваивает язык, которому его никто не учит. А почему осваивает? Да именно потому, что есть в нем этот благословенный импульс любви. Любовь к миру, тяга к миру, страсть к миру и жажда понимания того мира, в который он почему-то попал, в него родившись. И ровно потому в ребенке есть та удивительная жажда языка, которая позволяет ему совершить невероятное: постичь и освоить язык окружающего мира с опорой исключительно на свои собственные силы.

Беда наша в том, что, становясь взрослее, мы утрачиваем этот дар открытости и любви. И вместо того, чтобы просто любить, начинаем высчитывать. Но счастливы те, в ком дар любви продолжает жить.

И тогда язык – хоть родной, хоть иностранный – не будет для вас мучительным и стыдным грузом собственной несостоятельности, а будет волшебной и счастливой музыкой жизни и наслаждения жизнью.

Вот о чем книга.

А еще это книга о том, чем живое отличается от механического, и почему настоящая встреча с языком начинается только с душевного движения, только с душевного порыва, а вовсе не с суммы тех или иных технических приемов, как уверяет школа.

Впрочем, не нужно думать, что содержание книги Дмитрия Корнилова – исключительно романтическая философия. Помимо всего прочего, она и вполне инструментальна, представляя собой живую энциклопедию разных систем, приемов и способов изучения иностранных языков. В том числе, изобретенных самим автором.

Да и вообще, это энциклопедия. Маленькая энциклопедия тех мелких подробностей, из которых только и рождается история человеческой души (а чем еще является история, как не этим?).

Ну и про школу эта книга, конечно, тоже.

Про школу, убивающую в человеке человека, и про школу, которая человека в человеке возвращает. Про школу глухих стен и школу открытых горизонтов. Про школу, отнимающую у человека жизнь, и школу, жизнь дарующую.

Готовы ли мы к встрече с этой второй школой? С трудной и счастливой школой созидания человеком своего Я? Со школой, которая позволяет человеку увидеть себя как горизонт? Со школой, которая сама есть бесконечный процесс самоизменения?

И это вовсе не школа тех или иных внешних обстоятельств (стены, методики, техническое оснащение – да какая, в сущности, разница?). Это вечная школа созидания человеком самого себя и школа вечного выхода за границы самой себя. Потому что только тогда человек соразмерен самому себе. Себе как возможности. Себе как горизонту. И только тогда школа соразмерна человеку как Замыслу. Соразмерна человеческой культуре.

Ну и еще, конечно, это книга про педагогику слуха. Потому что педагогика – это и есть слух. И ничто больше.

*Доктор психологических наук, кандидат философских наук, профессор
Александр Лобок*

Введение

– Не надо меня кормить, я могу сам есть!
Нормальный ребёнок

Здравствуйтесь, дорогой читатель!

Вы хотите выучить английский, научиться играть на гитаре или вслепую набирать тексты?

Прекрасно! Но теперь решайте: вы хотите научиться – или вы хотите, чтобы вас научили? Решили? Выбрали? Отлично!

Теперь сюрприз: второй вариант – это обман. Подстава. Развод.

В чём секрет фокуса? – очень просто. Вы будете платить за то, чтобы вас научили – но в действительности вы либо научитесь, либо нет. Если научитесь – значит, вас хорошо учили. Если нет – значит, вы плохой ученик. Вот так-то.

Но язык-то не обманешь. То, чем вы собираетесь заниматься, так и называется – учиться. Учить себя.

Вступая на эту тернистую дорогу – учить себя, – осознайте сразу, что вы лишаете потенциального клиента огромную армию преподавателей и владельцев языковых (или прочих) курсов, чья работа – потихонечку (как можно медленнее, ведь оплата почасовая) кормить вас манной кашей с ложечки. Причём ложечка должна быть не слишком тяжёлой, потому что преподавателю трудно: вас много, а он один.

Не поддавайтесь: вы здоровый человек и заслуживаете здоровой полноценной пищи. Не открывайте пассивно рот, чтобы вас накорми... ой, то есть научили. Ешьте сами! Вы настолько самостоятельны, что даже в состоянии приготовить себе блюдо по вкусу. Сервировать его. Угостить друзей. И однажды позовите к себе на обед тех, кто вас хотел кормить с ложечки.

Сколько сил и времени нужно, чтобы доехать до курсов, хотя учиться можно и дома! Сколько денег вы платите репетиторам, курсам, школам и «тренерам» – денег, которые можно было бы потратить по-другому. И самое (для меня) главное: почему нужно полагаться на кого-то, платить кому-то и давать вести себя за ручку – если я могу сам?

Ведь почему вы идёте на курсы? Потому что – простите – боитесь взять на себя ответственность за своё собственное образование. Вам кажется, что выучить тот же английский – это так сложно, что самостоятельно вы с этим ни за что не справитесь. Именно этот ваш страх и составляет экономический фундамент процветания индустрии дополнительного образования.

Берите ответственность на себя! Вполне возможно, вам и в самом деле понадобится помощь. Но используйте её так, как вы сами считаете нужным, и в нужном вам объёме.

Обратите внимание, что в тексте я обращаюсь к вам то как к ученику, то как к учителю. Это не ошибка и не небрежность, а моя изначальная установка: вы и есть и ученик, и учитель. Каждый из нас – всегда чей-то ученик, чей-то учитель, свой собственный ученик и свой собственный учитель.

Я бы не сказал, что цель этой книги – лишить языковые школы и курсы работы. Но я буду рад, если кто-то, прочитав её, решит, что он без них обойдётся, сам научится тому, чему хотел научиться, и поможет другим. Часть сэкономленных таким образом средств прошу пересылать автору книги.

Неметодические не-указания

*Не бойтесь сумы, не бойтесь тюрьмы, не бойтесь
мора и голода,
А бойтесь единственно только того, кто скажет:
«Я знаю, как надо!»*

А. Галич

*...Делай, как я. Это значит – не надо за мной!
Колея эта только моя! Выбирайся своей колеей!*

В. Высоцкий

*Прилетает спам в личку: «Михаил, не хотели бы узнать о новом
способе изучения английского языка в короткий срок?». У меня в это
время в соседнем окне открыта книжка «Nouvelle methode pour apprendre
facilement, & en peu de temps la langue latine» 1644 года («Новый метод для
изучения латыни легко и в короткое время»). Померещилось на секунду,
что ребята из семнадцатого века резко вломились в двадцать первый.
Михаил, ведущий группы Linguista sum, VK*

Дело в том, что я вовсе не собираюсь делать вид, будто знаю, как надо. Эта книга не сборник рецептов. Да, вы найдёте здесь советы, и довольно много. Но всё это советы для самостоятельных. Это заметки о том, как можно идти своим – вашим! – путём.

Признаюсь, есть у меня в жизни привычка давать непрошенные советы. Хотя, с другой стороны, без такой привычки вообще никто ничего бы не написал. Но вот чего я не люблю, так это отвечать на незаданные вопросы, кормить сытых и учить тех, кто не учится.

Поэтому, руководствуясь, с одной стороны, привычкой давать непрошенные советы, а с другой – привычкой не отвечать на незаданные вопросы, я решил сделать две вещи.

Во-первых, собрать накопившиеся ответы на заданные вопросы. Не только ответы словами. И не только ответы на чужие вопросы. И не только ответы на вопросы, о которых я знал, что это вопросы. И, во-вторых, дать почитать эти вопросы и ответы тем, кто ещё не сформулировал своих, но стоит перед принятием решения.

Мой читатель – тот, кто находится в состоянии вопрошания. Тот, кто не знает. Поэтому будем считать, что он уже просит совета, только ещё не смог сформулировать вопрос. А то я никогда не начну книгу, всё так и буду ждать, когда меня спросят.

Так вот. Я не знаю, как надо. Но зато я могу рассказать, как это было со мной. У меня. В моём случае. И могу рассказать – подсказать – как можно. Вам будет легче нащупать свой путь, если я расскажу, как нащупывал свой. Всегда приятно знать, что люди уже ходили своим путём и не возвращались. А шли дальше.

Читая, имейте в виду:

Учиться – не означает посмотреть, как правильно, выучить, и повторить.

Учиться означает – посмотреть, как делают другие, подумать и сделать по-своему.

Почему роман

Как роман? Разве это роман? Да. Есть развитие, есть проблемы, есть масштаб – и есть любовь.

Уже есть одна замечательная книга об учении, которую автор назвал романом. И пояснил, почему: потому что это книга о любви. О любви к учению. «Такой же драматичной, как и всякая любовь».

Вспомнили? Симон Соловейчик. «Учение с увлечением». Это такая замечательная-презамечательная книжка, что её непременно нужно прочесть. Но! Симон Львович Соловейчик написал книгу о любви к неизбежному, обязательному учению. К такому, которое никуда не денется, так что лучше уж полюби – а то хуже будет. Учиться же всё равно придётся! В общем, вы уже поняли: это книга для школьников.

Тяжкой судьбе тех, кому учение вменили в обязанность, я могу помочь только советом обратиться за советом к Симону Львовичу – или пожеланием бороться за свободу и добиться ее. Ведь есть и другой прекрасный автор, Иван Иллич, провозгласивший «право на неграмотность».

Но моя книга для тех, кто хочет учиться и кого никто не заставляет. Для добровольцев. Для желающих. Для свободных.

Любовь происходит между свободными. Между свободным языком, а не кастрированным «предметом» – и свободным человеком, восхищённым этим языком и мечтающим овладеть им. Познать его. Подчинить своей воле. Заставить гореть и трепетать. Отдаться ему. Дать ему возможность говорить собой. (Или, как у Хайдеггера, «это не мы говорим языком, это язык говорит нами»?)

Если вы с языком начинаете встречаться, начинаете ваш роман, у вас обоих впереди масса приключений, путешествий, встреч, испытаний, побед и поражений. Это совместная жизнь в самом прямом смысле слова.

И ведь количество романов ничем не ограничено. Как и с женщинами (или с мужчинами). Мы ведь договорились, что мои читатели – свободные люди. Они смело идут вперёд, навстречу новому.

В этой книге я расскажу вам о своих романах с несколькими языками – и о других историях любви.

Попутно буду отвлекаться на теоретические рассуждения и давать те самые непрошенные советы. Но главное – это романы. В них вся эротика. Весь трагизм. И радость.

I love you

Повесть о школьных годах, или Почему мы учим, учим, а ничего не умеем

Предупреждаю, дорогой читатель. Из всех моих любовных историй с языками эта – самая трудная. Её трудно рассказывать, потому что её вроде бы и не было – то ли ещё не было, то ли уже. Может быть, мы не полюбили друг друга может быть, просто пока не встретились.

...Я всё же не оставляю надежды встретить однажды её лицом к лицу. И посмотреть ей в глаза. Я даже знаю, какие они. Они серо-голубые, в них дрожит влага – это слёзы радости от долгожданной встречи со мной. А уж я-то как рад.

Она серьёзная и непонятная. Даже красота её неместная. К ней нужно будет долго привыкать, и я охотно займусь этим.

Хорошо, что она такая спортивная – может, наконец-то, на велосипед сяду и плавать научусь. Но в любом случае придётся перестраиваться. Она из другой жизни – той, к которой я, наверное, ещё не готов. Можно сказать, что нам не давали встретиться все эти годы. Но ведь во всём, что происходит в нашей жизни, виноваты только мы сами. Значит, мы просто ещё не пришли друг к другу. Мы не готовы к встрече. Но я знаю: она состоится. И мы будем гулять по набережным Темзы и полезем в горы в Шотландии, и будем искать в Уэльсе пещеру, в которой жил Хризофилакс, и прокатимся на ободке Лондонского Глаза, и она будет смеяться над моей высотобязнью, которую мне не утаить, как шило в мешке: полезу обниматься, а ладошки-то потные.

Да помогут нам святой Владимир и святой Иосиф.

Предыстория

До четвёртого класса в моей жизни не было никаких иностранных языков. Мои дедушка и бабушка в молодости жили в Германии, но вопрос «а как же они с немцами разговаривали?» как-то не возникал у меня. Считалось, что мама хорошо знает немецкий. Однако это оставалось семейной легендой. Язык, впитанный ею в детстве от немецких друзей и подружек, был потом благополучно убит советской школой и пединститутом. Иностранные языки не звучали вокруг меня. Среди множества книг на полках домашней библиотеки были (они и сейчас есть) две книжки на немецком: «Was ist das fu`r ein Stein?» (геология и металлургия были специальностью деда) и «Fögel unseren Felder» (мама была учителем биологии и химии).

О других языках и речи не было. Но когда перед началом четвёртого класса нас разбивали на две группы: кто будет учить немецкий, а кто английский – родители решили, что немецкому меня мама научит, если понадобится (о, мечты!), поэтому надо идти на английский. Брату деда, Ивану Васильевичу Моисееву, доктору наук, работавшему в Курчатовском институте, были заказаны дефицитные детские книги на английском и пластинки. Помню, как пришла посылка из Москвы, а там!.. Стихи советских писателей на английском! Кажется, Маршак. Чуковский, «Путаница». И – Андерсен с прекрасными чёрно-белыми иллюстрациями: акварин обложки, прихотливые изгибы, нагая русалочка – ар нуво. Жаль, очень жаль, что... на английском. И что потом потерялась. Стоит ли говорить, все они так и остались непрочитанными. А пластинки – непрослушанными. Ну, как возможно это слушать? Кто не помнит – найдите выпуск «Ералаша» про мальчика, у которого все животные выучили английский по этим пластинкам. В этом и есть сермяжная правда: попугаю нетрудно запомнить бессмысленно повторяющиеся фразы – ведь они для него в любом случае ничего не значат.

СОВЕТ РОДИТЕЛЯМ: не рассчитывайте на то, что ребёнок будет читать книжки на непонятном ему языке, в то время как вокруг масса интереснейших книг на родном. Самим же вы, наверное, не будете читать книжку только потому, что она, видите ли, на иностранном языке?

И ещё *ВОПРОС: чего ради, спрашивается, ребёнок станет слушать какие-то аудиокурсы? Вот чего ради?!* Не поленились, пожалуйста, ответить на этот вопрос всерьёз, то есть найти причины, которые могли бы побудить к слушанию аудиокурсов.

У каждого советского ребёнка была своя личная Англия. Ну-ка, припомним наши любимые детские книжки? Не знаю, как у вас, а у меня – «Мэри Поппинс» и «Алиса в стране чудес». А *самой первой* книжкой, которую я вообще помню, были «Рассказы о маленьком автомобильчике» Л. Берг. Автомобильчик был жёлтый (я недавно нашёл эту книжку для младшего сына, и оказалось, что он красный. Но я-то помню, что он был жёлтым – и с тех пор хочу маленький жёлтый автомобильчик!) и громко говорил «Банг!». Любимые книжки моего сына – «Винни Пух» и «Остров сокровищ», дочки – «Питер Пэн» и та же «Мэри»; младшего сына – «Винни Пух» и «Медвежонок Паддингтон». Но вот парадокс: с английским *языком* всё это почти никак не ассоциируется. Наша детская Англия говорит по-русски, в блестящих переводах С. Маршака, Б. Заходера или Н. Демуровой. («Аню в стране чудес» мои дети тоже знают.) Так что о каких-то pre-listening skills говорить не приходится.

И сознание моё перед первой встречей с первым в жизни иностранным языком было вполне незапятнанным. Или напротив: уже запятнанным осознанием отчуждения, чуждости иностранного языка, изначальным отношением к нему как к школьному предмету. (Та пародия на английский, которая происходит сейчас в первом классе, где учится мой сын, тоже никак не затрагивает его лично. Интересно, неужели всё-таки карма?)

Первый урок

Наконец, то ли второго, то ли третьего сентября мы впервые переступили таинственный порог кабинета английского языка.

Что помню? 1) Возбуждение от встречи с новым. 2) Таблички с образцами английских прописных букв над доской. Года через два их сменили таблички с печатными буквами. Как раз в это время как в Англии, так и в СССР сочли излишним учить детей писать письменными буквами.) Так что нас всей этой ненужной каллиграфией уже не мучили, но я выучился-таки писать по-письменному, глядя на те таблички, пока их не сняли. 3) Наталья Владимировна повесила на доску карту Великобритании и рассказывала нам о ней по-английски (!) то же самое, что потом пересказала по-русски. Она тщательно выговаривала название газеты Morning Star как «монин стаа», и меня поразило несоответствие его звучания написанию «Морнинг стар» под карикатурами в «Крокодиле». Кроме того, она посоветовала нам читать журналы «Англия» и «Америка», подчеркнув, что это лимитированные издания и так просто на них не подпишешься. У моей тётки хранилось несколько номеров «Англии», они станут моим любимым чтением попозже, а во время перестройки тираж и «Англии» и «Америки» возрастёт, и я буду покупать их в киосках вместе с «Европой» и «Германией». А потом все эти журналы закроют один за другим в связи с успешным выполнением их задач: пропаганда западного образа жизни была больше не нужна. Убедили.

А пока на дворе 1980 год и я учу английский в Усть-Каменогорской школе № 29.

Английский? Как бы не так. Для родителей, у которых ещё остаются какие-то сомнения на этот счёт: есть непреодолимая пропасть между школьным предметом и реальной вещью с тем же названием. Есть физика и школьный предмет под названием «Физика» (без кавычек не употреблять). То же самое и с иностранным языком. Задача учителя – не английскому научить, а программу выполнить. Программу, которую к тому же не он придумал. Так что собственно английского языка на уроках английского языка было довольно мало. А что же было?

1. Транскрипция.

Во-первых, было такое великое и ужасное слово: «транскрипция». Вместо того чтобы учиться понимать и говорить по-английски, мы «учили звуки». Вместо того чтобы петь песенки, играть, смеяться и радоваться пониманию мира при помощи нового языка – овладевали великой премудростью: как правильно записывать эти звуки знаками фонетической транскрипции. Взять бы за шкуру того, кто придумал изучать эту транскрипцию в школе. Как можно преподавать недоверие к собственным ушам? – Дети, запомните: ваши уши ничем вам не помогут! Мало ли, что вы слышите? Надо услышанное записать. Специальными значками. Нет, нет, не буквами!

2. Тишина.

Ещё один анекдот из школьного кабинета английского языка.

Сидит себе тихонько наш пятый «Б» и переводит очередной опус про семью Стоговых или Браунов (их английские двойники), не помню. И вдруг поднимает руку отличница Лена Ошлакова (ныне живёт в Атланте, USA) и спрашивает: «Наталья Владимировна, а как gas переводится? Ой...» Нужны ли комментарии? Дружный смех аудитории свидетельствовал о том, насколько это идиотская идея – тишина на уроке языка.

Язык должен звучать. И это должно быть не чтение вслух текстов, а живая разговорная речь, песни и стихи.

3. Учительницы.

В нашей небольшой школе учительница английского была только одна, Наталья Владимировна. Но когда мы пошли в пятый класс, пришла вторая, и звали её... ТОЖЕ Наталья Владимировна.

И я влюбился.

Она была похожа на добрую Мэри Поппинс.

У неё был необычайно, необычайно, невероятно милый носик, курносый не вверх – а чуть-чуть-чуть вбок. И с маленькой ложбинкой на кончике. Ах.

И ещё она была необыкновенным человеком, уникалом – она знала сразу ДВА иностранных языка. Представляете? Английский и немецкий. Вот. А вы, небось, и не слышали, что такие чудеса бывают.

А потом пришла третья. С длинннннными белыми волосами. Перекись. (Советская провинциальная школа, 1983 год.) С королевской осанкой. С АМЕРИКАНСКОЙ улыбкой и американским же лицом. Марина Ивановна. Очень скоро, по-моему, скорее, чем разменяет четвертый десяток, она станет директором, и от всей нашей старой школы, которая заслуживает отдельной книги, через несколько лет останется только здание – и она. Маринушка.

Язык она знала хорошо. (Хотя и забыла однажды, как будет по-английски «календарь»; пришлось подсказывать методисту, присутствовавшему на уроке.) И методически была подкована. Холеричности бы только поменьше, и любви к людям побольше – цены б ей не было. А то с её приходом английский стал ещё и самым страшным уроком. Боялись мы Маринушку, боялись, и свободной, раскованной английской речи страх этот никак не способствовал. А она ведь горела амбициями именно научить нас говорить. Переводы текстов про Стоговз фэмили – это был для неё позавчерашний день. Нашу первую добрую Наталью Владимировну, которая звёзд с неба не хватала, она презирала, и вскоре выдавила её в начальные классы. Но всё-таки как же с говорением? – А для этого существуют

4. Топики!

Вот ещё одно волшебное слово в ряду таких, как транскрипция, переводы и составление предложений. До сих пор помню, с шестого класса: «Hobby is something that people like to do for pleasure». И по гроб жизни не забуду. И ни слова больше из того топика. Имитировать речь, выучив наизусть готовый текст – как вам идея? А сейчас и книжки есть с готовыми «топиками». Выучиваешь такую наизусть – и, пожалуйста, сдавай экзамен.

Есть аргументы в пользу механической зубрёжки в больших объёмах? – Поделитесь, пожалуйста. Довод про Маркса, который для тренировки механической памяти заучивал стихи на незнакомых языках, не принимается: как я понимаю, топика нас заставляют учить не для тренировки механической памяти. А для чего тогда? Чтобы создать видимость способности говорить на разные темы? Чтобы заучить побольше слов на разные темы?..

Предлагаю другой подход: читать, смотреть, слушать – а потом обсуждать. Говорить надо об услышанном. Тогда и не придётся ничего зазубривать. К тому же разговор – это не монолог. Для тренировки умения держать речи, делать доклады топика тоже не подходят: хорош оратор, заучивший свою речь наизусть, предварительно написав её на бумаге.

Топикоманы забывают одну важную вещь: устная речь – это не произнесённая вслух письменная, а письменная речь – это не записанная устная. Они функционируют очень по-разному, и мозг работает по-разному с устной и письменной речью.

Слава Богу, к сожалению, Марина Ивановна отказалась от нашего класса (слишком много у нас было, по её мнению, «дураков»), и в девятом – десятом работала с нами прекрасная Наталья Владимировна – Мэри Поппинс. И мы перестали говорить, хотя бы и насильно, а занялись милой программой-минимумом, то есть опять-таки переводами текстов с английского на русский. И за два года спокойно разучились разговаривать. Зато хоть не боялись на английский ходить; лично мне для страха и ужаса хватало алгебры и физики.

Что же здесь не так? Если хотите, давайте разбираться по порядку.

Итак, транскрипция.

Вы только представьте: мало того, что язык новый – это серьёзная нагрузка на мозг, который должен разобраться в хаосе новых звуков и структурировать их. Давайте ещё сразу

же читать и писать. На незнакомом языке, ага! Так и этого мало!! Давайте ещё, чтоб окончательно детей замучить, заставим их сначала (!) писать слова незнакомомого им языка специальными значками, которые используют специалисты по фонетике; пусть они у нас эти значки выучат, пусть целые диктанты ими пишут. В конце концов, они в школу учиться пришли или в бирюльки играть? Не ищем лёгких мы путей! Ни для себя – ни для детей! Другой логики здесь я не вижу. А теперь —

СОВЕТ: не верьте тому, кто скажет вам, что звуки можно записать. Звуки звучат. Их можно записать только при помощи звукозаписывающей аппаратуры, а не ручкой в тетради.

Не верьте и тому, кто скажет, что буквы можно сказать или произнести: буквы пишут, и произнести их нельзя при всём желании, даже фигурально, образно или в переносном смысле. Связи, которые устанавливаются в мозге между письменным знаком и звуком, чрезвычайно сложны; к чему заставлять проделывать эту работу того, кто только начинает овладевать новым языком? Ему бы сначала привыкнуть – не к «звукам», а к звучанию нового языка! – и научиться потихоньку что-то лепетать на нём. А уж потом к буквам. А вот когда вырастет и станет лингвистом – тогда, может быть, ему в научных целях и понадобятся знаки фонетической транскрипции.

Во всей этой истории с «транскрипциями» скрыта даже не одна глубокая ошибка, а несколько. Язык входит в нас через уши и выходит через рот. Что происходит при первом соприкосновении с новым языком? Новым, неожиданным и непривычным нагрузкам подвергается именно слуховое восприятие. От того, как справятся уши – на самом деле, уши и мозг – со своей задачей превратить шумовую кашу нового языка в нечто структурированное и наделённое смыслом – будет зависеть успех всего предприятия. В частности, успешность попыток рта воспроизвести услышанное. Поэтому главное вначале – слушать речь на новом языке, не «звуки», и даже не слова – а речь. Слушать её не с диска, где она лишена контекста – а от живых людей в реальной ситуации, когда контекст – игра, например, – позволяет с чем-то соотнести услышанное, то есть создаёт возможность понимания.

Далее. Нелогично пытаться помочь мозгу решить сложную задачу – разобраться в непривычном языке – заставляя его решать ещё более сложную задачу: овладеть для этого новой знаковой системой. Ни один ребёнок (и ни один здравомыслящий взрослый) не поймёт, зачем, кроме букв, нужны ещё какие-то значки, предназначенные для той же цели – «записывать звуки». Зачем эти звуки записывать – тоже непонятно. Между прочим, сейчас этот недуг с «записыванием звуков» и вообще с фонетикой поразил уже и преподавание родного языка. Мои дети в «дошкольном детском центре» раскрашивали разными цветами не просто гласные и согласные, а ещё и мягкие и твёрдые, щелевые и заднеязычные, губные и взрывные, носовые и альвеолярные... Ну, преувеличиваю, преувеличиваю. Но – к тому идёт. А зачем?.. А затем, что кто-то отработал бюджетные деньги. Как умел. И не нужно, совсем не нужно, искать за всей этой теорфонетикой для первоклашек никакого глубинного смысла: в ней – с точки зрения начальной школы – нет вообще никакого смысла. Как нет его и в «транскрипциях» на уроках английского.

А вот ещё был случай: начал человек учить французский, пошёл в магазин за словарём, потом жалуется: «Было несколько словарей, ни один не купила. Там нигде транскрипции нет!»

Но как же научиться говорить на чужом языке? Ведь его звуки совсем не такие, какие привык слышать и произносить ребёнок. Разве их не надо *изучать*?

Каков вопрос – таков и ответ. Почему, говорите, ребёнку без труда даётся речь на родном языке? Правильно – потому что привык. Понимание языка и речь – это дело привычки. Не изучения, не понимания – а привычки. Так же, как навык езды на велосипеде или игры на гитаре. Как любой моторный навык. Овладение языком – не когнитивный процесс, а моторный. Когнитивные процессы становятся возможны по мере овладения языком. Язык нужен для мышления, он – его предпосылка. Использовать мышление для первоначального овладе-

ния языком означает ставить телегу впереди лошади. Чтобы было, что переваривать, нужно сначала съесть кашу.

Расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие: кстати, о велосипедах

Язык состоит не из слов – он состоит из движений. В процессе речи, в том числе и письменной, или мысленной, мы производим много-много движений. И, кстати, не все они, а только некоторые порождают звуки. Речь и даже восприятие чужой речи сопровождаются огромным количеством непрерывных микродвижений. Насколько они необходимы для процесса речи, можно проверить, попытавшись поговорить, будучи крепко связанным. Будет очень трудно. Отсюда вывод: чтобы легко научиться воспринимать речь и говорить, нужно расслабиться.

Бывает, ученик ужасно *старается* что-то выговорить. Посмотришь, как человек мучается, скажешь: «Да вы не старайтесь, вы, наоборот, расслабьтесь – и всё получится!» Если случай лёгкий, и человек может произвольно расслабиться – то, как правило, бывает поражён результатом: «Получается!»

Любой тренер подтвердит: если у нас что-то не получается – значит, мы недостаточно расслабились. Расслабление необходимо для свободного выполнения этих неосознанных микродвижений, из которых и состоит то конечное действие, которое является нашей целью: проехать на велосипеде от дома до ближайшего пляжа с девушкой на багажнике, сыграть первую часть «Лунной сонаты» (реже, гораздо реже – вторую или третью!), или сделать на французском языке доклад в ЮНЕСКО о проблемах интеграции мигрантов в Казахстане.

Расслабиться необходимо только тем, кто напряжён. Лучше бы как в анекдоте: «Вы как расслабляетесь? – А мы не напрягаемся». Но в современном мире таких мало. Нам с вами, скорее всего, нужно ещё учиться расслабляться. Для этого требуются:

- приятная атмосфера,
- естественная подвижность,
- ритм.

Мы с вами пока о школе? Ну, если так, то приятную, раскованную атмосферу должен создавать учитель. Всем должно быть хорошо на уроке – и ему в том числе. А для этого занятия языком с детьми не должны быть уроками языка. Самый лучший урок иностранного языка с первоклассниками, который я видел в жизни, был уроком труда. Дети шили чехольчики для иголок. Только вот беда – учительница говорила не на родном языке детей. Школа была в Казахстане, а учительница – из Германии, ни бум-бум ни по-русски, ни по-казахски. Но никто так и не вспомнил о языковом барьере, ни она сама, ни дети. Конечно, можно и поиграть, и в саду поработать, и песенку спеть. Только это всё должно быть ненавязчиво. Дети – практики, кинестетики и эмоционалы (хотя над их эмоциональным миром ещё работать и работать). Они

воспримут любой язык, если он пройдёт «по касательной», если он будет по делу или в игре. (Помните, почему в Простоквашине уважали дядю Фёдора? Нет? Он не бездельничал, а всё время делом занимался или играл.) Игра – это дело, а дело (о чём нам, «взрослым», не мешало бы помнить) – это игра. Дело или игра и создают потребную нам непринуждённую подвижность.

Другой элемент непринуждённости и подвижности – это ритм.

Ловите ритм!

Непринуждённо и подвижно только живое. А живое пульсирует. Оно то сжимается, то разжимается. Это и есть ритм. У хорошего занятия сложный ритмический рисунок. В нём есть минимум три – четыре волны ритма разной длины: три – четыре части с чередованием активности и пассивности, напряжённого сосредоточения (вдох) и расслабления, отдачи и переработки (выдох). Ритмические игры. Песни. И так далее. Разнообразие ритмов выполняет ещё одну полезную функцию: не позволяет устать. Ритм тонизирует. И не обязательно частый ритм развесёлой песенки. Ритм может быть спокойным. Успокаивающим. Помогающим сосредоточиться. И в то же время тонизирующим.

СОВЕТ: если хотите без труда запоминать фразы – ловите их внутренний ритм! Проплывайте их, пропевайте, скандируйте, придумывайте что-нибудь в рифму – да что угодно. Ритм есть у каждой фразы.

Как это работает? А вот как. Жена делает уборку и говорит нам с дочкой: «На улице висит бельё!» Вместо того чтобы сказать: есть, капитан, как дождь начнётся – снимем! – я думаю: «Стоп-стоп-стоп! “На улице висит бельё... на улице висит бельё”... откуда это? А! Ну да! ”Над косточкой сидит бульдог, привязанный к столбу...”»

Предложение, составлять

ЗАДАНИЕ: составьте предложение из следующих слов, поставьте слова в нужной форме: кабинет, английский, в, язык, возвращаться.

Самое смешное, что, когда открываешь современный учебник иностранного языка – какой-нибудь Schritte International или Headway, – там те же яйца, что и в памятном учебнике про жизнь семьи Стоговых. Только в профиль. А может, даже и в прежнем ракурсе.

Между прочим, в учебнике по русскому языку у моей дочки то же самое: «Составьте предложение». Пазлы чем плохи? Тем, что их кусочки не имеют никакого отношения к реальной структуре видимого мира.

Дорогие авторы, а вы не замечали, что, когда вы говорите, вы не составляете предложений? Нет никаких кубиков, из которых их можно было бы составить. Их можно только проанализировать, выделить составные части, структурировать («разобрать по членам предложения»). Постфактум. Но не сконструировать. Мы не собираем предложения из конструктора, как не конструируем музыку из нот.

Вот что пишет всемирно известный Оливер Сакс, автор многочисленных книг по психологии и физиологии восприятия, в книге «Музыкафилия: рассказы о музыке и о мозге», известной у нас под названием немецкого её перевода «Однорукий пианист»: «Существуют такие особенности возможностей нашего музыкального воображения и нашей музыкальной памяти, которые не имеют себе соответствий в визуальной сфере, что может прояснить фундаментальное различие между тем, как работает мозг с музыкой и с изображением. Эта особенность музыкального, возможно, частично произрастает из того, что визуальный мир мы должны для себя *конструировать*, так что наши визуальные воспоминания с самого начала имеют селективный и личный характер, в то время как музыкальные произведения мы получаем в готовом виде, они уже сконструированы. Мы можем сотни раз конструировать и реконструировать визуальную или социальную сцену, но когда мозг вызывает из памяти музыкальный отрывок, его звучание будет тесно связано с оригиналом. Конечно, и музыку мы слушаем избирательно, в различных интерпретациях и с различными чувствами – но фундаментальные музыкальные характеристики музыкального отрывка – его темп, ритм, мелодический рисунок, даже тембр и высота звука – сохраняются как, правило, с высокой степенью точности».

Позволю себе вопрос: не относится ли та же особенность к звуковому восприятию вообще? И в частности, к восприятию языка? Не подводит ли нас многовековая привычка воспринимать речь как нечто сконструированное из знаков при помощи рационального мышления? Не в ней ли одна из причин повальных неудач школьного и послешкольного обучения языкам, в том числе и родному?

Лингвисты проанализировали предложения и поняли, как они устроены. Они и вправду так устроены, лингвисты молодцы. Но зачем же пытаться учить людей создавать речь, синтезировать её, используя противоположную операцию, анализ? Сами-то лингвисты не конструируют предложения, когда говорят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.